

Четырнадцатое января. Непрерывное мелькание заплаканных лиц. Дверь нашей квартиры открыта, в нее бесшумно входят и выходят люди. Поток потрясенных, испуганных людей. Знакомых и незнакомых. Мы проходим сквозь них, ни с кем не останавливаясь, не разговаривая, ни в кого не вглядываясь.

В какой-то момент меня окликнули, я увидела Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Возле стоял мой муж, молодой композитор Мечеслав Вайнберг. Дмитрий Дмитриевич молча обнял нас, подвел к книжному шкафу и с не свойственной ему медлительностью тихо и внятно произнес: «Я ему завидую...»

Больше он не сказал ни слова, только долго недвижно стоял спиной ко всем, крепко обняв нас за плечи.

За неделю до этого в здании ЦК партии под председательством Жданова проходило совещание: обсуждались современные композиторы.

Шостаковича, Прокофьева, Мясковского и других клеймили за «формализм», «пессимизм», за то, что они «искажают нашу действительность, не отражают наших побед, работают на руку врагу», короче, являются если и не врагами народа, то, во всяком случае, их пособниками. Заседание длилось с часу дня до шести вечера.

Прямо на вокзале перед отъездом в Минск кто-то рассказал папе об этом, и он мрачно откомментировал:

- Боюсь, им еще придется покурить.

И снова оказался прав. Постановление об опере «Великая дружба» Мурадели, которым началась кампания против «формализма в музыке», заставило многих крупнейших композиторов, в том числе и Шостаковича, умолкнуть на долгие годы.

Горькое признание Шостаковича - «Я ему завидую», - помню, поразило меня тогда, и я на всю жизнь запомнила его.

К тому времени мы были знакомы лет пять. Часто встречались дома, у друзей, на концертах.

Обсуждали прослушанные сочинения кого-нибудь из композиторов. Если это было дома, собеседники подходили к роялю, подкрепляя свои соображения музыкальными цитатами.

Не знаю, какими словами разделить желание и умение Шостаковича помогать людям. Деликатность? Да, была и деликатность, но главное - особая, контролируемая необычайной душевной тактичностью боязнь оказаться назойливым, обидеть своей помощью. Помню, однажды муж попросил Д.Д. одолжить на короткий срок небольшую сумму. Д.Д. поспешно согласился, приговаривая: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь, у меня сейчас полно денег...» Договорились, что Метек приедет к нему завтра в три часа дня. На следующий день утром Д.Д. позвонил и предупредил меня, что должен быть в нашем районе, и спросил, буду ли я дома. Вскоре он сам завез деньги. Это было очень типично для него.

25 сентября 1949 года, в день рождения Д.Д., мы были приглашены к нему в гости. Такая впервые встреча Мстислава Ростроповича - совсем юного, худого, с умным насмешливым взглядом и невероятным объяснением.

Ровно в восемь Д.Д. объявил, что просит всех прийти в кабинет, чтобы прослушать его новое сочинение - «Цикл еврейских песен». Для нас с М.Вайнбергом это было сильнейшее потрясение. Ведь не прошло дня, чтобы в газетах не клеймили «безродных космополитов» с еврейскими фамилиями. «Цикл» был откровенным протестом Шостаковича против травли евреев в последние годы жизни Сталина.

Премьера этого сочинения состоялась много позже, уже во времена «оттепели». Зал, как всегда на концертах Шостаковича, был переполнен. В те годы

музыкальные концерты шли в сопровождении ведущего. Несмотря на то, что «Цикл» исполнялся на русском, ведущий старательно объяснял текст каждой песни. «Колыбельную», где есть слова: «Твой отец один в Сибири, спи, а я не сплю...» он прокомментировал так: «Дело происходит в царской России».

атмосферой, напряжение автора передавалось слушателям, возникало ощущение присутствия при каком-то высоком таинстве. После окончания зал на мгновение замирал, затем разражался овацией. Д.Д. кланялся, никогда не улыбаясь. Глядя на него, я, помню, остро ощущала его внутреннее одиночество. И от этого у

Мечеслав Вайнберг не был учеником Шостаковича, но Д.Д. с интересом и вниманием относился к каждому его сочинению. Постепенно стало правилом: играть друг другу новые вещи.

Помню и один курьез. Однажды утром муж рассказал мне про свой сон, в котором Шостакович пригласил его прослушать новую

В феврале 1953 года М.Вайнберга арестовали. Арест в те времена означал уход навсегда. Семья арестованного предавалась остракизму. Я металась между Лубянской и Бутырской, не решаясь ни к кому обратиться.

Через несколько дней после ареста М.В. мне позвонил наш большой друг и предложил встретиться. Прохаживаясь со мной по темным московским переулкам, он рассказывал, что Д.Д. пишет письмо на имя Берии и просит, чтобы я пришла его отредактировать.

Ехать к Шостаковичу в такой ситуации было безумием! Но я поехала и прочла письмо, в котором было написано, что он - Шостакович - ручается за Мечеслава Вайнберга, знает его как честного гражданина, талантливого молодого композитора, главным интересом которого является музыка.

Я понимала, какой опасности подвергал себя Д.Д., ругаясь за «врага народа», да еще еврея, да еще зятя Михоэlsa, посмертно обвиненного в сотрудничестве с «Джойнтом»! Я была потрясена, благодарна и испугана одновременно. И все это я высказала

Д.Д., но он только застенчиво повторял: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь, ничего они мне не сделают!»

Я отнесла письмо в проходную Кремля. А Метек потом вспоминал, как следователь с удивлением сказал ему: «Твои дружки-то за тебя заступаются!»

Жена Шостаковича, Нина Васильевна, попросила меня приготовить доверенность на ее имя, чтобы, когда нас с сестрой заберут (она так и сказала когда, а не если, настолько это казалось реальным), они смогли передавать

деньги нашей семилетней дочке Виктоше. На самом деле, как потом выяснилось, они собирались взять девочку к себе. Но всему этому, к счастью, не суждено было свершиться.

5 марта 1953 года Сталин умер. Через месяц в газетах реабилитировали Михоэlsa. Д.Д. с женой уехали отдыхать на юг, взяв с меня слово, что я дам телеграмму, как только М.В. будет освобожден.

И мы радостно протелеграфировали: «Отдыхайте хорошо. Целуем. Тала. Метек».

Через два дня Шостаковичи были в Москве. Вечером за праздничным столом, на котором в старинных подсвечниках горели свечи, Нина Васильевна вслух читала доверенность, написанную мной на ее имя. Затем встал Д.Д. и торжественно произнес: «А теперь мы предадим этот документ сожжению!» - и предложил мне поднести его к свечке.

Уничтожив документ, мы выпили водки и сели ужинать...

Последние годы перед отъездом в Израиль я редко видела с Д.Д. Он много болел, жил главным образом на даче, временами уезжал за границу.

Летом 1972 года он собирался поехать в Англию. Мы в это время ждали ответа на просьбу о выезде в Израиль. Ни каким будет ответ, ни когда он придет, мы, естественно, не знали. Я представляла себе, что Д.Д. уедет, за это время мы навсегда покинем Россию и больше никогда не увидимся. Я позвонила и спросила, можно ли к ним зайти. В тот же день я пришла на улицу Неждановой, где они жили. Д.Д. провел меня в свой кабинет, и мы долго и о многом говорили. Он выражал беспокойство, что в Израиле жарко, а я плохо переношу жару, что место это беспокойное, но все-таки, наверное, мы с Виктошей правильно сделали, что решили ехать. Потом Д.Д. проводил меня до двери, и мы расстались.

В сентябре 1975 года его не стало...

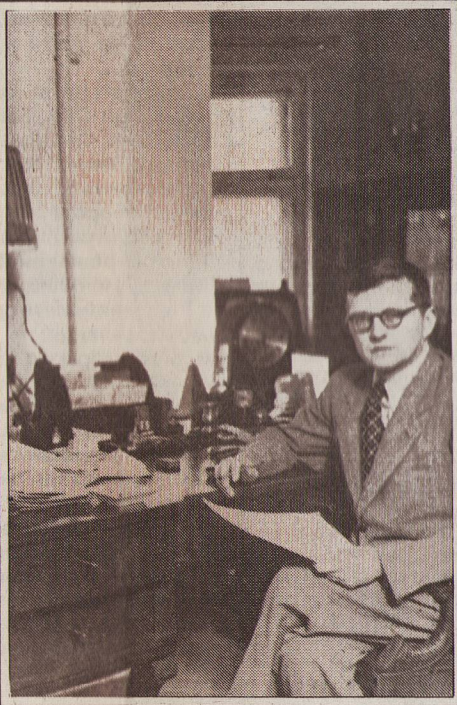
Публикация
Галины ПЕТРОВОЙ.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

ГЕНИЙ ВСЕГДА ОДИНОК

К 90-летию со дня рождения Дмитрия Шостаковича

Публикуемый отрывок из книги «Мой отец - Соломон Михоэлс» посвящен Д.Д. Шостаковичу, многолетнему другу автора книги Наталии Михоэлс и ее мужа композитора Мечеслава Вайнберга. События начинаются в январе 1948 года, когда в Москву пришло известие о трагической гибели великого актера в командировке в Минске. Воспоминания его дочери - дополнительный документ эпохи, еще одно свидетельство того, как преступно и глупо забывать собственную историю... Книга вскоре выйдет в издательстве «Возвращение».

В зале возникло веселое оживление. Еще долгое время Д.Д. любил повторять: «Дело происходит в царской России, понимаете, дело происходит в царской России...» А тогда, на премьере, он сидел рядом со своей семьей - напряженный, нервно касаясь пальцами губ.

К нему подходили, здоровались, он вскакивал, благодарил, целовал дамам руки. Все знали, что это его отвлекает и утомляет, но и не подойти было невозможно.

Концерты Шостаковича отличались удивительно торжественной

меня каждый раз сжималось сердце.

Мы шли за кулисы, где поклонники выражали ему восторги, он судорожно пожимал руки, благодарил, а потом шепотом, заговорщически улыбаясь милой растерянной улыбкой, быстро произносил: «А сейчас ко мне, надо выпить и закусить...» Д.Д. был человек традиций. Обычаев он не менял. И хотя со временем изменился состав гостей, дружба с М.Вайнбергом оставалась неизменной до последних дней его жизни.

работу, и в ней Метек узнал темы многих предыдущих сочинений Д.Д.

Во время его рассказа раздавался телефонный звонок. Шостакович действительно звал Метек прослушать только что законченное произведение. Это был 8-й квартет. Д.Д. считал его автобиографическим. Метек вернулся, потрясенный музыкой и своим провидческим сном. В квартете звучали приснившиеся ему темы, которые композитор в самом деле использовал в последнем сочинении.

Д.Д., но он только застенчиво повторял: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь, ничего они мне не сделают!»